

Кто бы мог подумать, что Цзи Саньмэй, последовав за его взглядом, словно обнаружил нечто драгоценное: глаза его заблестели, тело ловко изогнулось, и он юркнул под Шэнь Фаши, подхватил его за поясницу и оттолкнул от себя.

Через слой ткани брюк Шэнь Фаши ощутил нестерпимое, будто бы его лижут. Зрачки его резко расширились.

Тот тёплый влажный язычок пришелся точно в цель. Для Шэнь Фаши это было впервые, он ничего не понимал и оказался чрезвычайно чувствительным, поэтому мгновенно излился.

— Ай, трубка-то горячая, — произнёс Цзи Саньмэй.

Липкость между ног заставила Шэнь Фаши почувствовать, что лучше умереть. Он больше не сдерживался, грубо оттолкнув Цзи Саньмэя:

— Цзи Саньмэй! Какую бы зависимость ты ни испытывал, не должен же ты... не должен...

Цзи Саньмэй в растерянности поднялся, широко раскрыв глаза, с выражением явного недовольства:

— Почему ты хочешь, чтобы я избавился от табачной зависимости? Я привязался к брату Шэню, это тоже зависимость. Почему же ты не требуешь, чтобы я избавился от тебя?

Шэнь Фаши: «...»

Услышав эти двусмысленные слова, сердце Шэнь Фаши превратилось в полную кашу. Он впопыхах достал припрятанную курительную трубку, раскурил её и сунул в рот Цзи Саньмэю.

Малыш наконец утихомирился, захватил постель Шэнь Фаши и проспал на ней всю ночь без задних ног, оставив самого Шэнь Фаши за дверью — покрасневшего от смущения и скрежетавшего зубами до самого утра.

На следующий день Цзи Саньмэй проснулся, совершенно забыв о вчерашнем происшествии, и заявил, что лёг спать рано и никак не мог буянить. Шэнь Фаши же не мог опуститься до расспросов о его «зависимостях», так что пришлось с неохотой отступить.

Вернёмся в настоящее. В павильоне Ишуй Шэнь Фаши на руках поднял Цзи Саньмэя, прижал к груди и направился к усадьбе Сюй.

На сей раз Шэнь Фаши не позволит Цзи Саньмэю безобразничать, как в прошлый раз.

Не потому, что Шэнь Фаши сам того не желал, а потому, что при посторонних такое недопустимо.

Шэнь Фаши нёс Цзи Саньмэя, шагая твёрдо и неуклонно вперёд, словно... совершенно не замечая того лица, что пряталось за деревом и украдкой за ними подсматривало.

Авторская ремарка:

Мастер: Если опять потянет курить — заставлю тебя покурить вот это.

Саньмэй: ...М-м, табак-то ничего, только немного губы обжигает.

Ли Хуань, она же госпожа Ли из семьи Ло, уже несколько дней пристально наблюдала за Цзи

Саньмэем.

Он был младшим среди четверых странных личностей и чаще других действовал в одиночку. Часто он в одиночестве сидел в павильоне Ишуй, лушил семена лотоса, любовался горами и водами, пытаясь раствориться в прекрасном пейзаже, — тихий и красивый ребёнок. Свою капризную и ласковую натуру он проявлял лишь перед тем наставником по фамилии Шэнь. В остальное же время он словно был отделён от этого мира невидимой, неуловимой плёнкой.

Дети такого возраста — самые сговорчивые и легче всего поддаются обману.

Несколько дней Ли Хуань молча наблюдала за ним и наконец выбрала время на закате, в сумерках, чтобы войти в павильон Ишуй.

Цзи Саньмэй спокойно стоял у воды, всматриваясь в её гладь. Ли Хуань, сделав несколько шагов ближе, наконец разглядела его черты и невольно ахнула.

В тот день, когда она в гневе окатила «Цзи Саньмэя» водой из ведра, её захлестнула ярость, и она вовсе не заметила, как выглядел тот, кто попал под горячую руку. Теперь же, успокоившись и приблизившись, она увидела, что это и вправду дитя небесной красоты, с глазами, что будоражат душу и мысли. Нельзя было не задуматься, каковы же должны быть его родители.

Цзи Саньмэй, казалось, почувствовал чьё-то присутствие. Обернувшись, он тут же поднялся с земли и почтительно поклонился:

— Здравствуйте, госпожа.

Дети, что ведут себя вежливо и послушно, всегда вызывают особую нежность. Когда Ли Хуань выходила замуж за господина Ло, тот был уже в преклонных годах, и детей у них, естественно, быть не могло. Поэтому, видя, как Цзи Саньмэй держится почтительно и скромно, она ощутила в сердце дополнительную теплоту:

— Аромат лотосов привлекает мошкору, будь осторожен, не дай комарам себя искушать.

Цзи Саньмэй улыбнулся и закатал рукав. Ли Хуань уловила лёгкий свежий аромат.

— Наставник собственноручно нанёс на меня средство от насекомых, так что всё в порядке, — с улыбкой, от которой глаза превратились в полумесяцы, сказал Цзи Саньмэй.

Ли Хуань, заразившись его наивной улыбкой, тоже чуть тронула уголки губ:

— В тот день я опрокинула ведро — не напугала ли я тебя?

Цзи Саньмэй покачал головой и искренне ответил:

— Если бы госпожа и впрямь ненавидела брата Чанъаня лютой ненавистью, вы бы не стали лить воду, а взяли бы нож.

Ли Хуань рассмеялась. Прямодушный и забавный ребёнок.

— Твой брат Чанъань... — она тщательно подбирала слова, — чем он занимался раньше, тебе известно?

В тот день Ли Хуань столкнулась сначала с вежливым, но бесцеремонным Ван Чуаньдэном, а

затем с плачущим и всё путающим Цзи Саньмэем, что окончательно сбило её с толку. Она решила, что ошиблась человеком. Однако, вернувшись домой и поразмыслив, она поняла, что ошибиться не могла. На следующий день она хотела вновь отправиться к тому юноше по имени «Чанъань» и всё выяснить, но как раз ночью Призрачная колесница учинила переполох в усадьбе Сюй. На следующий день, когда она вновь пришла, господин Сюй сообщил ей, что наставник Чанъань и другой мастер отправились по следам Призрачной колесницы, и неизвестно, когда вернутся.

Выбора не оставалось, и Ли Хуань сосредоточила своё внимание на Цзи Саньмэе.

Чтобы Цзи Саньмэй точно понял её вопрос, она сделала особый акцент:

— ...восемь лет назад.

Цзи Саньмэй великодушно протянул Ли Хуань пригоршню очищенных им семян лотоса и с лучезарной улыбкой сказал:

— Восемь лет назад я ещё не родился.

Не дав Ли Хуань разочароваться, он продолжил:

— Но старший брат Чанъань рассказывал мне множество историй. Я не знаю, о какой именно из них вы спрашиваете.

Ли Хуань, только что почувствовавшая, что провалилась в бездну отчаяния, ухватилась за спасательную соломинку, брошенную Цзи Саньмэем. Взволнованная, она уже собиралась поведать о событиях восьмилетней давности, но Цзи Саньмэй мягко, с ясным взором, перебил её:

— Почему бы госпоже не спросить моего наставника? Возможно, он знает больше.

Ли Хуань сглотнула. В её устах таились бесконечные гнев, досада и скорбь. Снова открыв рот, она с силой проглотила все эти эмоции, но в голосе её всё же звучала тень несправедливой обиды:

— Спрашивать его бесполезно. Он с Цзи Саньмэем — одна шайка-лейка!

Едва сказав это, она тут же пожалела. Цзи Саньмэй, как она и ожидала, принял испуганный и недоумевающий вид, прикусив нижнюю губу. Пушистые чёрные волосы спадали на лоб, отчего его зрачки казались ещё чище:

— Госпожа...

Нрав у Ли Хуань и так был вспыльчивый, а обида на Цзи Саньмэя годами копилась внутри, подобно куску тофу, который тайно бродил, порождая плесень в форме гнилых грибов. Теперь, когда она наконец обрела выход, даже сознавая свою неправоту, она не могла остановиться.

Восемь лет назад город Ичжоу ещё не обрёл городских очертаний. Место это называлось деревней Ишуй, было богато талантами, но несколько оторвано от мира.

В один из летних полдней, когда жара выпарила последнюю влагу, а кузнечики затаились в поникшей траве, тихо стрекоча, ещё незамужняя Ли Хуань с сестрой Ли Жоу возвращались со сбора шелковицы, чтобы накормить своих отъевшихся летних шелкопрядов.

И тут с края поля показалась фигура. Её силуэт расплывался в мареве жары, словно колеблясь, и даже голос звучал призрачно:

— По-помогите...! Девушки... помогите!

Ли Хуань и Ли Жоу переглянулись. Сестра, увидев, что незнакомец — мужчина, и боясь сплетен, заколебалась. Ли Хуань же была не столь щепетильна: бросила корзину и крупно зашагала через поле. Дойдя до другого края, она, хоть и была морально готова, всё же ахнула от увиденного.

Молодой человек в светло-зелёной одежде лежал на меже, глаза его были завязаны белой тканью, из-под которой проступали два кроваво-красных пятна — словно в них таились две бездны.

Услышав шаги, юноша приподнял голову и выдавил улыбку:

— ...Табак есть?

Сёстры Ли Жоу и Ли Хуань привели юношу к себе, дали ему табаку, воды, чтобы обмыться, нашли ему чистую одежду, накормили и дали лекарство.

А в месте, о котором Ли Хуань не ведала, Ли Жоу отдала ему своё сердце.

Юношу звали Цзи Саньмэй. Даже с завязанными глазами открытая часть его лица была неописуемо прекрасна, заставляя сердца трепетать. А когда с него сняли повязку и смыли скопившуюся в уголках глаз грязь и сгустки крови, обе сестры остолбенели.

Они никогда не видели столь прекрасного человека.

Тогда Цзи Саньмэй, полулежа на мягком ложе, спросил с улыбкой:

— Я красив?

<http://bllate.org/book/16281/1466209>